

холодов, скученность увеличивалась, а с нею увеличилась и эпидемия. Печальные новости с фронтов адмирала Колчака и генерала Деникина, полная самоликвидация Оренбургской армии, обнажившая правый фланг Уральской отдельной армии, создали для уральцев обстановку исключительно тяжелую.

В половине октября красные, получив подкрепления и новое начальство (вместо Чапаева), вышли из поселка Скворкина и повели наступление на юг. Несмотря на наше сопротивление, красные в конце октября заняли опять Абищенск (в третий раз).

В станице Мергеневской атаман обсудил создавшееся положение на совещании в штабе корпуса, куда были приглашены все командиры полков. Выяснилось, что фронт долго держаться не может, и наше поражение в недалеком будущем неизбежно. Тиф продолжал косить ряды и все усиливался. Открыто говорилось о необходимости подготовиться к отходу на форт Александровский. Атаман обещал сделать все нужное для этого похода.

В Калмыкове, штабе казачьей армии, чувствовалась расхлябанность. Там скопилось много офицеров из добровольческой и других армий, которые ожидали каких-нибудь назначений в тылу, но в тылу все было заполнено, в армии можно было служить только рядовыми бойцами, но это редко кого устраивало. Предпочитали «выжидать», порой занимаясь разными темными делами, пьянствуя.

Красные сильно нажимали, стараясь до зимы занять Гурьев и ликвидировать Уральскую армию. В середине ноября красные дошли уже до поселка Антоновского, в 40 верстах от Калмыкова.

*В. Варженский*²¹⁷

КУДЕСНИК²¹⁸

В 1918 году Белая Сибирская армия, как весенний поток, скатившись с Уральских гор, молниеносно заняла город Пермь и победоносно пошла дальше на запад и север, в направлении на Казань и Вятку.

Отряд особого назначения, в составе которого находился и я, занимал самый правый фланг боевой линии и двигался в северо-восточной части Соликамского и Чердынского уездов Пермской губернии, в обход города Глазова. Вся эта местность, первобытно дикая и бездорожная, покрыта огромным девственным лесом преимущественно хвойных пород, с редким населением, которое в большинстве состав-

ляют инородцы-пермяки. Природные условия местности и снежная холодная северная зима затрудняли наше наступление.

Трудности заключались еще и в том, что эти инородцы имеют свой язык и многие из них не говорят по-русски. Живут они бедно, в курных избах, в окнах которых не стекло, а бычий пузырь. По религии они — язычники. Промысел их — охота на пушного зверя и рыбная ловля. Немноголюдные поселки разбросаны в лесу на расстоянии не менее 25—30 верст один от другого. Между ними — плохие проселочные дороги, а чаще всего — просто труднопроходимые тропы, называемые «волоком». Все эти неблагоприятные условия очень мешали нашему продвижению и изнуряли силы. Но мы не сдавались и неукоснительно продвигались вперед, тесня красных, которые, отступая, оказывали нам слабое сопротивление.

Итак, мы находились в Чердынских лесах, в только что занятой довольно значительной деревеньке, которую, не в пример прочим, красные защищали упорно. Следующий населенный пункт на пути нашего продвижения находился за 25 верст «волоком». По полученным от разведки сведениям, это было уже село, которого красные без серьезного боя не уступят, так как оно для них представляет какое-то стратегическое значение.

Принимая во внимание все эти соображения, мы должны были хорошо продумать и разработать план наших дальнейших действий. Выступить решено было ночью, с расчетом, чтобы подойти к цели на рассвете, так как в той обстановке, в которой мы находились, ночной бой для нас был бы неприемлем. Кроме того, необходимо было дать некоторый отдых людям, уставшим после тяжелого перехода.

План был таков: в 9—10 часов вечера должна была выступить большая разведывательная партия в составе 25—30 человек под командой младшего офицера и идти до соприкосновения с противником; если будет возможно — занять село, а в противном случае — завязать бой и держаться до подхода главных сил. Выбор вести разведку пал на меня, и я, получив боевую задачу, выступил в назначенный час под искренние пожелания успеха остающихся однополчан.

Зима тогда стояла снежная и холодная, но в дремучем лесу казалось теплее, чем можно было ожидать. Полная луна в радужном круге, как это бывает в морозы, феерически освещала молчаливый лес. Голубоватый фосфорический отблеск искрился на дороге, на засыпанных снегом огромных ветках вековых сосен, и было что-то таинственно-сказочное в этой волшебной картине. Дремучий лес спал, как заколдованный, и кругом была такая тишина, что от нее звенело в ушах. Местами дорога проходила под сросшимися, казалось, ветвя-

ми деревьев, на которых лежал девственный снег, и мы шли как в туннеле.

Солдаты после дневного отдыха шли бодро и внимательно всматривались в окружающую нас ажурную чащу, где на блестящей парче снежного ковра причудливо переплетались фантастические тени огромных сосен, елей и пихт. Кроме 25 стрелков, со мной был пулемет Виккерса и одна подвода для раненых, с ротным фельдшером.

У меня в то время довольно часто побаливали зубы, и, как на грех, едва мы прошли полпути, меня стало лихорадить и начался сильный приступ зубной боли. Тот, кто когда-либо испытал это мучительное состояние, поймет без всяких объяснений человека, который, как говорят, света Божьего не видит и жизни не рад. Вот именно такое состояние и постигло меня в момент исполнения возложенной на меня ответственной боевой задачи. Возвращаться было уже поздно, да и бесполезно, так как получить облегчение все равно было невозможно. Подозвав своего заместителя, взводного унтер-офицера, я сообщил ему о своей болезни и приказал быть как можно бдительнее и обо всем замеченном немедленно доносить мне.

Луна заметно скатилась к горизонту, и в просветы верхушек гигантских деревьев видны были крупные яркие звезды, но в лесу было темно. Все заставляло нас соблюдать самую тщательную осторожность: мы двигались вперед так бесшумно, что как будто слышали, как колотятся наши сердца. Я, сжав зубы, беззвучно ныл и стонал от боли и был бы рад неприятельской пуле, которая прекратила бы мои нечеловеческие страдания...

Время, казалось, остановилось, и напряжение дошло уже до предельной точки, когда взводный мне доложил, что дозоры заметили в лесу какой-то огонек. Конечно, это еще не было село, к которому мы пробирались. Огонек, тускло мерцаая, виднелся влево от дороги, в лесной чаще, но как близко — определить было невозможно. Мы приняли боевой порядок и залегли, ожидая сведений от посланной разведки. Через полчаса было установлено, что в двухстах шагах от дороги находится лесная сторожка и в ней один сторож. Красных поблизости нет. И я решил сделать здесь небольшой привал.

Сторожка была маленькая и освещалась сальной плашкой, при свете которой можно было разглядеть все ее несложную обстановку. В левом углу — печь; в правом, красном, стол и около него широкая скамья, она же, вероятно, и кровать сторожа. У двери на гвозде висел меховой полушубок, в углу стояла двустволка, а на стенах висели кое-где пучки сушеных трав да две или три заячьих шкурки — вот и все.

Хозяин — очень благообразный мужик, крепкий, ростом выше среднего, на вид лет пятидесяти, но, как я узнал позднее, ему было много больше. Темно-русые с проседью, гладко расчесанные волосы и аккуратная борода напоминали скорее какого-нибудь боярина или персонаж из былинного эпоса, чем лесного сторожа, затерянного в глуши. Если еще прибавить к описанию большие открытые глаза, которые светились добродушием и отвагой, а также одну характерную черту его разговора — он всем говорил «ты», но себя величал «мы», — то портрет готов.

В караулке было тепло, но не жарко. Я сел у стола и, зажав лицо руками, застонал и заохал от боли. Солдаты разместились на полу, пользуясь случаем отдохнуть после длительного и напряженного перехода. Хозяин стоял у печки.

— Кто набольший-то вашей ватаги? — спросил он после короткой паузы.

— Вон, офицер, — ответил один из солдат.

— Офицер? — недоумевающе повторил сторож. — Стало быть, барин!

— Должно, барин, — согласился солдат.

— Вишь, хворый.

— Занемог в походе, — пояснил другой.

— Недужится, барин?.. Зубная хворь напала? Это бывает... Хошь, вылечу? — обращаясь прямо ко мне, предложил хозяин.

— Что? — охая, переспросил я.

— Хворость твою, говорю, можем выгнать, — уверенно сказал он.

— Как же это?! — со злобой выкрикнул я.

— Заговор такой знаем.

— А-а!.. — произнес я с досадой и отмахнулся.

— Не веришь? — продолжал он. — Ну, как знаешь... А нам што...

В голосе старика прозвучала обида, и он замолчал. Мне стало его жаль. В разговор я, конечно, не верил, но, чтобы успокоить старика, согласился:

— Ну ладно, заговаривай, колдун!

— У нас колдуна в позапрошлом году мужики на деревне дубьем убили. Вот то — колдун... А мы — нет, — проговорил он еще с большей обидой и огорчением.

— Ну ладно, ладно... Я, отец, пошутил, — заговаривай, — пытаюсь поправить дело, говорил я.

— А ты не шути!.. Колдуны — они порчу на людей наводят... и на скотину... А мы порчу эту — выгоняем.

— Я понял... не сердись... помоги мне...

— Вот так-то лучше, мил-человек, — подобрев, сказал он, заулыбавшись. — Погодь малость, мы сейчас.

Он вышел в сени и тотчас же вернулся с большим жестяным ковшом, полным холодной воды, в которой плавали небольшие кусочки льда. Он молча сел около меня, поставил перед собой ковш и сосредоточенно что-то начал шептать. Потом не то подул, не то поплевал на воду, затем заскорузым пальцем помешал воду, и светлые, как стеклышки, льдинки закружились и, ударяясь о края ковша, издавали приятный мелодичный звук... Прodelав весь этот ритуал, старик перекрестился большим крестом и, подвигая ко мне ковш, сказал:

— Ну вот, теперича пей с Богом.

Я недолго думая сделал глоток. От невыносимой боли во рту у меня захватило дыхание и я едва не потерял сознание... В голове была только одна мысль, за которую мне стыдно и по сей день: «Вот только немного приду в себя, как схвачу этот железный ковш и хвачу им изо всех сил по башке, чтобы убить сразу, наповал, этого проклятого колдуна. Так же, как сделали мужики в деревне...»

Через минуту, а может быть и меньше, ледяная вода согрелась во рту, и я ее проглотил. Открыв глаза, я встретил ласковый и отечески заботливый взгляд старика, который с какой-то особой, только ему присущей нежностью вдруг спросил:

— Ну что, сынок, болит?

Я, в сущности, не понимал, что произошло, но боли не было!

Я ощупал челюсти, пошевелил во рту языком, еще хлебнул холодной воды — и никакой боли... От радости я закричал:

— Не болит! Не болит! Слышишь ты, кудесник, не болит!

— Чаво? Кудесник? — усмехнулся он. — Это по-нашему, стало быть, кудасей?... Не угадал, барин, нет...

— Кудесник — это мудрец, — пояснил я.

— Ну, коли мудрец, стало быть, хорошо.

— Еще раз спасибо, отец, не болит!

— Благодари Бога, сынок, а нас — за что?

— Ты русский, отец?

— Нет, старовер.

— Старовер? — засмеялся я.

— Што? Аль не гоже?

— Нет, почему же... Я спросил тебя, какой ты нации.

— Говорю — старовер... По старой вере живем и мы, и деды, и прадеды — все по старой вере... У нас все здесь так. Вон там пермяки, дальше вогулы — все по своей вере живут.

— Ну что ж, это хорошо, — согласился я. — А что ты тут делаешь?

— Как что?.. Сторожку несую, вот что.

— А не страшно в лесу одному-то? — приставал я, довольный тем, что не чувствую никакой боли.

— А чаво? У нас не балуют... А на зверя — вон ружьишко припасено, — отвечал он охотно.

— Ты грамотный? — продолжал я.

— Нет!.. Не умудрил Господь... нет...

— А далеко отсюда до деревни-то?

— До какой? До села верст десять будет, а до Перямяков, почти-тай, и все пятнадцать. Вы откелева?

— Вероятно, от Пермьяков, — ответил я и продолжал допрос: — А войска-то здесь много?

— Вчера их людно пробегло в село.

— А к тебе заходили?

— Нет!.. Шибко торопко пробегли, не заходили.

В это время отворилась дверь, и вошел фельдшер, который доложил, что подвода к избе подъехать не может, так как единственная просека завалена огромной сосной, которую пять человек, как ни пытались, не могли отворотить.

— Пять человек, говоришь? — добродушно усмехнувшись, сказал старик. — Ну ладно, пойдём, это мы спроворим мигом.

Он направился к выходу. Я и фельдшер последовали за ним. Уверенно, не торопясь подойдя к лежащему поперек просеки действительно огромному дереву, он взял его обеими руками за конец и один, без всякой помощи, своротил с дороги, положив вдоль просеки с одной стороны. Я ахнул от изумления.

— Ну вот и дорога, — сказал старик, отряхая снег со своих рук.

— Да ты богатырь — Добрыня Никитич! — воскликнул я.

— Никита-то Никита, но не Добрынин!

— Сила-то, сила какая! — не унимался я.

— Да! Силушкой нас Бог не обидел. Только ты, барин, никому не говори, негоже... Сглазят.

— Не беспокойся, не скажу.

Всем виденным и случившимся я был так поражен, что готов был еще долго говорить с этим чудесником-богатырем, но надо было уже двигаться дальше, так как до рассвета оставалось недолго. Простившись с гостеприимной сторожкой и ее хозяином, мы двинулись. Луны уже не было, и в лесу было так темно, что мы с трудом могли различать дорогу.

После часу пути из села донесся до нашего слуха отдаленный собачий лай и потянуло дымком. Перед селом лес как-то расступился, и в свете раннего туманного утра, версты за две, показалось на взгорье село, обнесенное поскотиной. Мы находились у небольшого мостика через глубокий овраг, почти до краев заваленный снегом, что делало его непроходимым. За оврагом было поле, а на нашей стороне — лес. Вокруг было так тихо, что трудно было подумать, что здесь война. В селе не было видно ни души, и мы решили перейти мост и идти в село. Но только мы вступили на мост, как застрочил неприятельский пулемет, и трое из нас были ранены. Мы залегли перед мостом. Пулемет был так хорошо пристрелян, что и думать нечего было форсировать мост; мы поджидали наши главные силы.

Приблизительно в полдень, после еще одной попытки перейти этот мост, я был ранен. Пуля прошла навывлет в мускул левой руки выше локтя, и поэтому я принужден был отправиться на перевалочный пункт, который расположился в той самой лесной сторожке, где я так чудесно избавился от зубной боли. В избе было уже человек десять раненых. Мой старый знакомый, кудесник, энергично помогал фельдшеру, исполняя обязанности санитаря. Он как-то особенно обрадовался мне и очень забеспокоился, узнав, что я ранен. Он все время не отходил от меня, пока мы ждали подводы, чтобы ехать дальше в тыл в госпиталь, видимо, ему так хотелось помочь мне.

Когда мы уже сидели на подводах, прощаясь со мной, он говорил:

— А ты на сердце-то горькую думу не клади... Образуется... До свадьбы заживет... Полюбился ты мне, сынок, вот как!.. Ну уж ладно! Прощай!.. Будешь ехать обратно по этой дороге, зайди проведать кодуна.

— Обязательно, обязательно заеду... До свиданья!

Мы двинулись. Старик шел у подводы до дороги и долго еще стоял на ней, смотря нам вслед, пока мы не скрылись...

Но случилось так, что не успел я залечить свою рану, как наша армия начала свое отступление, и я присоединился к своей части уже в Перми, а затем отступал вместе со всеми до китайской границы.

Прошло много, много лет... Много отшумело житейских гроз и непогод... Давно уже засеребрилась голова. Болят иногда старые раны. Порой дают себя чувствовать хронические болезни, залеченные нашими учеными эскулапами, — а вот зубы, заговоренные моим кудесником, встреченным в Чердынском лесу в бедной лесной сторожке, никогда не болели и не болят. Повесть окончена...